

ЭСКИЗ НА САДОВОМ

НАДЕЖДА ЧАРОДЕЙСКАЯ

Наследники Арбата. Книга третья.

Надежда Чародейская

**Эскиз на Садовом. Наследники
Арбата. Книга третья**

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Эскиз на Садовом. Наследники Арбата. Книга третья /
Н. Чародейская — «Автор», 2026

Марьяна Ларина приходит в архитектурное бюро «Наследие» с единственной целью — найти виновных в гибели отца. Двадцать лет назад реставратор Андрей Ларин обнаружил нечто важное в подвалах старинного особняка и погиб при загадочных обстоятельствах. Дело закрыли как несчастный случай. Но Марьяна уверена: это ложь. Дмитрий Князев — правая рука главы «Наследия». Он получает задание выяснить, кто эта скрытная художница и что ей нужно. Знакомство начинается с обмана, но перерастает в нечто большее. Вместе они находят подземные ходы, древние фрески и следы тайного братства хранителей, которое веками прятало архивы под землёй. Пока Марьяна распутывает клубок семейных тайн, ей предстоит сделать выбор: месть или прощение. Одиночество или любовь. Прошлое или будущее.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Девушка с фресками	7
Глава 2. Девушка с фресками	12
Глава 3. Елена Павловна	18
Глава 4. Архив	27
Глава 5. Завьялов	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эскиз на Садовом. Наследники Арбата. Книга третья

Пролог

Москва, Садовое кольцо, декабрь
За три года до свадьбы Веры и Матвея

Дмитрий Князев врал. Он делал это часто, виртуозно и почти без угрызений совести. Ложь была его рабочим инструментом — таким же, как рулетка у строителя или скальпель у хирурга. Он лгал о своём прошлом, о своих намерениях, о своём имени. Он лгал женщинам, партнёрам, конкурентам. И, что самое забавное, почти всегда выходил сухим из воды.

Но в тот вечер, стоя посреди роскошного особняка на Пречистенке с бокалом шампанского в руке, он понял, что ложь завела его слишком далеко.

— Ты — прораб? — Вера Воронцова смотрела на него с любопытством, и он физически ощущал, как её острый архитекторский взгляд сканирует его: потёртые джинсы, простая рубашка, рабочие ботинки. Он выглядел именно так, как должен выглядеть прораб. Этому образу он посвятил два дня подготовки.

— Да, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Работаю на объекте Куракиных.

— Странно, я тебя раньше не видела.

— Я недавно. Бригадир нанимал.

Вера кивнула, но её глаза всё ещё изучали его. Дмитрий чувствовал себя бабочкой под микроскопом. Воронцова была умна — возможно, умнее всех, кого он встречал за последние годы. И если она поймёт, кто он на самом деле, — весь его план рухнет.

— А ты не похож на прораба, — сказала она вдруг.

— Почему?

— Руки. У тебя нет мозолей.

Дмитрий мысленно выругался. Руки. Конечно. Он так тщательно продумывал легенду — одежду, манеру говорить, даже грязь под ногтями, которую он специально нанёс за час до вечера, — но забыл про руки.

— Офисная работа, — сказал он, не моргнув глазом. — Раньше в офисе сидел, потом сократили. Пришлось идти на стройку.

— И как, нравится?

— Платят нормально. А остальное... терпимо.

Она усмехнулась. Усмешка у неё была красивая — открытая, но с лёгкой тенью, как будто она знала что-то, чего не говорила вслух.

— Ну, удачи тебе, прораб. Если будут вопросы по объекту — обращайся.

Она отошла к другой группе гостей. Дмитрий выдохнул. Первый раунд он выиграл.

Теперь оставалось найти ту, ради которой он сюда пришёл.

Марьяна.

Глава 1. Девушка с фресками

Особняк Воронцовых, благотворительный вечер
Декабрь, тот же вечер

Она стояла у дальней стены балльного зала, под огромной картиной в золочёной раме — каким-то пейзажем кисти неизвестного художника XIX века, — и держала в руках бокал, к которому даже не притронулась. Дмитрий заметил её сразу, как только вошёл. Таких женщин замечают сразу — не потому, что они кричат о себе, а потому, что молчат. И это молчание говорит громче слов.

Марьяна была невысокой, с тёмными волосами, собранными в небрежный пучок, из которого выбивались пряди — как будто она собиралась второпях и не досмотрела в зеркало. Платье на ней было простым, явно не от кутюр, но сидело хорошо, подчёркивая тонкую талию и изящные ключицы. Никаких украшений, кроме маленьких серёжек-гвоздиков. Никакой косметики, кроме едва заметного блеска на губах.

Но главное — глаза. Тёмные, глубокие, с таким выражением, будто она смотрит не на тебя, а сквозь тебя. Куда-то вглубь, где спрятано то, что ты сам о себе не знаешь.

Дмитрий подошёл к ней не сразу. Он умел ждать. За годы работы на Глеба Воронцова — а теперь и на всё «Наследие» — он научился терпению, которое когда-то казалось ему недостижимым. Он наблюдал за ней издали, отмечая детали: как она теребит мочку уха, когда нервничает. Как отводит взгляд, когда кто-то подходит слишком близко. Как чуть заметно улыбается — не губами, а уголками глаз, — когда смотрит на старые фрески.

Потому что она действительно смотрела на фрески. Не на гостей, не на шампанское, не на Глеба Воронцова, который произносил речь. Она смотрела на стены. На роспись плафона. На лепнину карнизов. Она изучала этот дом, как археолог изучает раскоп.

И Дмитрий понял: она здесь не случайно. Как и он.

— Нравятся фрески? — спросил он, подходя. Он выбрал момент, когда она осталась одна — предыдущий собеседник, какой-то скучный чиновник из департамента культуры, наконец-то отошёл к фуршету.

Марьяна обернулась. Вблизи она оказалась ещё интереснее: тонкие черты лица, бледная кожа, на левой скуле — едва заметный шрам, похожий на след от ожога. Он не портил её. Он добавлял ей загадочности.

— Нравятся, — ответила она, и голос у неё был низкий, с хрипотцой, как будто она недавно молчала и только начала говорить. — Это Брюллов?

— Ученик Брюллова, — поправил он. — Алексей Марков. Брюллов делал эскизы, но расписывал Марков. Виктор Андреевич Воронцов, дед нынешнего хозяина, специально заказывал атрибуцию, когда реставрировал особняк в девяностых.

Она посмотрела на него с интересом.

— Вы разбираетесь в живописи?

— Немного. Я прораб. Работаю на объектах «Наследия». Волей-неволей учишься.

Она кивнула. Не поверила — он видел это по её глазам. Но и не стала спорить.

— А вы? — спросил он. — Вы тоже работаете с «Наследием»?

— Я художник. — Она чуть помедлила. — Реставратор. Меня пригласили для работы над фресками в усадьбе Боткиных.

— Вы — Марьяна? — он изобразил узнавание. — Вера Викторовна рассказывала. Говорила, что вы — лучший специалист по фрескам в Москве.

— Не льстите. — Она чуть улыбнулась. — Я просто хорошо делаю свою работу.

— Это не лесть. Это информация. — Он улыбнулся в ответ и протянул руку. — Дмитрий. Можно просто Дима.

— Марьяна. Можно просто Мара.

Она пожала его руку — легко, почти невесомо. Ладонь была прохладной и сухой. Дмитрий вдруг подумал, что эта женщина напоминает ему зимний лес: тихий, сдержанный, но полный скрытой жизни.

— Значит, вы будете работать над Боткиными? — спросил он, не отпуская её руки чуть дольше, чем того требовал этикет. — Это потрясающий объект. Особенно фрески Амура и Психеи.

— Вы и о них знаете?

— Я же говорю — волей-неволей.

Она забрала руку. Но не резко. Скорее — с сожалением.

— Знаете, Дмитрий, — сказала она, глядя ему прямо в глаза, — вы не похожи на прораба.

— Вы вторая, кто мне это говорит за вечер.

— Значит, я не одинока в своих наблюдениях.

— И что же меня выдаёт?

— Всё, — она обвела его взглядом. — То, как вы говорите. То, как вы двигаетесь. То, как вы смотрите на фрески. Прорабы так не смотрят.

— А как они смотрят?

— Они смотрят на стыки, на трещины, на качество штукатурки. А вы — на цвет. На композицию. На свет.

Он помолчал. Эта женщина была опасна. Она видела то, чего не видели другие. Но именно поэтому она была ему нужна.

— Хорошо, — сказал он, понижая голос. — Я не прораб.

— Кто же вы?

— Я — правая рука Глеба Воронцова. Практически член семьи. И я здесь, потому что...

Он не закончил. Потому что в этот момент к ним подошла Вера.

— Вы уже познакомились? Отлично. Марьяна, я хотела обсудить с вами график работ. Дмитрий, прости, я украду твою собеседницу.

— Конечно, — он отступил на шаг. — Мы ещё увидимся, Марьяна.

— Увидимся, — сказала она, и в её голосе прозвучала не то угроза, не то обещание.

Когда они отошли, Дмитрий выдохнул. Второй раунд он, кажется, проиграл. Но война только начиналась.

Особняк Воронцовых, кабинет Глеба

Позже той же ночью

— Ты идиот, — сказал Глеб, не отрываясь от бумаг. — Ты понимаешь, что она тебя раскусила за пять минут?

— Понимаю, — ответил Дмитрий, развалившись в кресле. — Но это даже лучше.

— Лучше? Ты хотел внедриться в её доверие под видом прораба. Теперь она знает, что ты не прораб. Она знает, что ты работаешь на меня. Она знает, что ты член семьи. Как это «лучше»?

— Потому что теперь я могу быть честным. Почти.

— «Почти» — это ключевое слово, — Глеб наконец поднял голову. — Она дочь человека, который погиб по вине «Наследия». Она здесь не для того, чтобы реставрировать фрески. Она здесь, чтобы найти виновных.

— Я знаю.

— И ты всё равно хочешь с ней... что? Подружиться? Соблазнить?

— Я хочу понять её. Понять, что она ищет. И остановить её до того, как она навредит нам. Или себе.

Глеб долго смотрел на него.

— Ты влюбился.

— Что?!

— С первого взгляда. Влюбился. Я знаю этот взгляд. У меня самого был такой, когда я встретил Алису.

— Ничего подобного. Это просто работа. Я должен выяснить, что она замышляет.

— Выясняй. Но будь осторожен. Она опасна.

— Опаснее, чем Левченко? Чем Самойлов?

— Опаснее. Потому что она не угрожает. Она... — Глеб замялся. — Она ищет правду. А правда иногда ранит сильнее, чем пуля.

Дмитрий встал.

— Я разберусь.

— Надеюсь. Потому что если ты не разберёшься — разбираться придётся мне. А я не хочу, чтобы эта женщина пострадала. Она талантлива. И она не виновата в том, что её отец связался не с теми людьми.

— Её отец работал на «Наследие»?

— Её отец, — Глеб помедлил, — погиб на стройке. Объект Куракиных. Двадцать лет назад. Мы тогда только начинали реставрацию, ещё при деде. Несчастный случай. Но Марьяна считает иначе.

— Что она считает?

— Что это был не несчастный случай. Что кто-то в «Наследии» виноват в его смерти. И она пришла сюда, чтобы доказать это.

Дмитрий молчал. Двадцать лет. Она ждала двадцать лет.

— Я узнаю правду, — сказал он. — И если кто-то виноват — мы это исправим.

— А если виноватых нет?

— Тогда я помогу ей это понять. Так или иначе.

Глеб кивнул.

— Иди. И будь осторожен. Ты идёшь по тонкому льду.

— Это моя специализация.

Дмитрий вышел из кабинета. В холле было темно и тихо — только свет луны лился сквозь витражный купол, раскрашивая мраморный пол синими и золотыми пятнами.

Он думал о Марьяне. О её тёмных глазах. О её прохладной руке. О шраме на скуле.

«Она ищет правду», — сказал Глеб.

И Дмитрий знал: рано или поздно она её найдёт. А когда найдёт — либо простит, либо уничтожит всех, кто стоит у неё на пути.

Включая его.

Глава 2. Девушка с фресками

Москва, съёмная квартира Марьяны, район Павелецкой
Ночь после благотворительного вечера

Марьяна не спала.

Она сидела на подоконнике, поджав ноги, и смотрела на огни Москвы. В одной руке — чашка остывшего чая, в другой — старая, потёртая фотография. Единственное, что осталось у неё от отца. Снимок был сделан за неделю до его смерти: мужчина лет сорока, с такими же тёмными глазами, как у неё, стоит на фоне строительных лесов и улыбается. Он всегда улыбался — даже когда жизнь не давала для этого поводов.

— Папа, — прошептала она, проводя пальцем по фотографии. — Я здесь. Я нашла их.

На коленях у неё лежал блокнот — старый, в кожаной обложке, с пожелтевшими страницами. Это был дневник её отца, который ей передала мать перед смертью. Последние три года Марьяна изучала его строчку за строчкой, пытаясь понять, что произошло на стройке особняка Куракиных двадцать лет назад.

Отец был реставратором. Одним из лучших в Москве — так говорили его коллеги. Он работал с фресками, лепниной, позолотой. «Наследие» наняло его в 1998 году для реставрации особняка Куракиных — того самого, который теперь восстанавливали заново. А через полгода он погиб. Несчастный случай, сказали тогда. Обрушение лесов. Техника безопасности была нарушена, но виновных не нашли. Дело закрыли.

Но в дневнике отец писал другое.

«15 октября 1998 г. Сегодня я обнаружил странное. В восточном флигеле, под слоем штукатурки, скрыта кладка. Она гораздо старше самого особняка — возможно, XVII век. Я сообщил начальнику участка. Он сказал: "Не лезь не в своё дело". Мне это не нравится».

«22 октября. Я снова ходил в восточный флигель. Кладку уже заштукатурили. Кто-то не хочет, чтобы её нашли. Я спросил у главного архитектора — он сделал вид, что не понимает, о чём речь. Здесь что-то нечисто».

«3 ноября. Мне угрожали. Подошли двое после смены. Сказали: "Если будешь копать дальше — пожалеешь". Я не знаю, кто они. Но я знаю, что они связаны с "Наследием"».

Последняя запись была датирована пятым ноября — за день до смерти.

«Я иду к Воронцову. К самому Виктору Андреевичу. Расскажу ему всё. Он должен знать, что творится на его объекте».

Марьяна закрыла дневник. Виктор Андреевич Воронцов — дед Глеба и Веры, основатель «Наследия». Отец верил, что он не причастен. Что он поможет. Но на следующий день отца не стало.

Был ли это несчастный случай? Или кто-то не хотел, чтобы он дошёл до Воронцова?

Она приехала в Москву три месяца назад. Устроилась реставратором в «Наследие» — благо, её портфолио говорило само за себя, а фамилия матери не вызывала подозрений. Она надеялась, что работа в усадьбе Боткиных даст ей доступ к архивам, к старым документам, к людям, которые помнили её отца. И она не ошиблась.

Но она не ожидала, что встретит Дмитрия Князева.

Этот человек был опасен. Не потому, что он угрожал — напротив, он был обаятелен, остроумен и, кажется, искренен. Именно это и настораживало. Слишком обаятелен. Слишком умён. Слишком хорошо разбирается в живописи для прораба.

«Я — правая рука Глеба Воронцова», — сказал он.

Значит, он знает. Знает, кто она. Знает, зачем она здесь.

И всё равно подошёл. Всё равно заговорил. Всё равно смотрел на неё так, будто она — единственный человек в этом зале, который ему интересен.

Это была игра. И Марьяна не знала правил.

Она спрыгнула с подоконника и подошла к столу, где были разложены её собственные записи. Схема особняка Куракиных — того самого, который теперь реставрировало «Наследие». Заметки о сотрудниках — кто работал тогда, кто работает сейчас. Фотография отца с коллегами — она нашла её в архиве профсоюза строителей.

И отдельно — вырезка из газеты двадцатилетней давности: «Трагедия на стройке: реставратор погиб при обрушении лесов. Виновные не установлены».

Она перечитала статью в сотый раз. И в сотый раз обратила внимание на одну деталь: в списке погибших был только её отец. Но свидетели говорили о «нескольких пострадавших». Почему в официальном отчёте — только один?

Кто-то скрыл правду. И она найдёт этого человека.

Даже если для этого придётся подобраться вплотную к Дмитрию Князеву.
Особняк Воронцовых, кухня
Раннее утро

Дмитрий тоже не спал. Но, в отличие от Марьяны, он провёл ночь не за дневниками, а в архиве.

Глеб дал ему доступ ко всем документам «Наследия» за последние тридцать лет — редкая привилегия, которой не было даже у Веры. Дмитрий был не просто правой рукой. Он был доверенным лицом. Тем, кто решал проблемы, о которых не должны были знать посторонние.

И сейчас он искал информацию об отце Марьяны.

Дело оказалось непростым. Документы за 1998 год сохранились фрагментарно — многое было утрачено при переезде офиса, что-то пострадало от времени, а что-то, подозревал Дмитрий, было уничтожено намеренно. Но кое-что он всё-таки нашёл.

Личное дело Андрея Сергеевича Ларина. Реставратор высшей категории. Принят на работу в «Наследие» в апреле 1998 года. Характеристики — отличные. Рекомендации — от лучших мастерских Москвы. Специализация — фрески, лепнина, позолота.

Дальше — рапорт о несчастном случае. Скупые строки: «6 ноября 1998 г. на объекте "Особняк Куракиных" произошло обрушение строительных лесов. Погиб реставратор Ларин А.С. Причина — нарушение техники безопасности при монтаже лесов». Подпись — начальник участка.

И всё. Никакого расследования. Никаких допросов. Дело закрыли за неделю.

Но Дмитрия заинтересовало другое. В личном деле Ларина была записка — внутренняя, без подписи, приколотая скрепкой к рапорту. Почерк — мелкий, торопливый, явно женский.

«Андрей Сергеевич говорил, что во флигеле есть старая кладка. Он хотел показать Виктору Андреевичу. Прошу проверить».

Кто написал эту записку? Почему она осталась без ответа? И почему её приколоты к рапорту о смерти, а не передали по назначению?

Дмитрий сфотографировал документы и убрал папку в сейф. Потом задумался.

Марьяна не просто мстит. Она ищет правду. И, судя по дневнику, который Глеб упоминал в разговоре, её отец действительно нашёл что-то важное. Что-то, из-за чего его убили.

Или это всё-таки был несчастный случай?

Он должен выяснить. Не только ради «Наследия». Ради неё.

Потому что — он признался себе в этом, сидя в пустой кухне под светом одинокой лампочки, — она ему нравилась. Не как объект расследования. Не как потенциальная угроза. А как человек. Женщина с тёмными глазами и тихим голосом, которая смотрит на фрески так, будто видит в них живые души.

Он влюбился.

Глеб был прав.

Усадьба Боткиных, центральный зал

Утро

Марьяна пришла на работу раньше всех. Ей нужно было осмотреть фрески Амура и Психеи до того, как начнётся шум и суета. Это была её официальная задача — оценить состояние росписей и подготовить план реставрации. Но была и неофициальная: она искала любые зацепки, которые могли бы связать Боткиных с Куракиными.

Отец писал, что кладка в восточном флигеле Куракиных была старше самого особняка — XVII век. А в Боткиных, как она узнала от Веры, тоже нашли подземные палаты того же периода. Совпадение? Или два особняка были построены на одном древнем фундаменте?

Она стояла на лесах, вглядываясь в лицо Психеи, когда дверь внизу открылась.

— Я так и думал, что вы здесь.

Марьяна обернулась. Дмитрий Князев стоял в дверях — сегодня он был не в образе прораба, а в своём обычном виде: дорогой свитер, тёмные джинсы, кожаная куртка. И никакой грязи под ногтями.

— Вы следите за мной?

— Нет. Просто знал, где искать.

— Откуда?

— Вы — реставратор. Реставраторы приходят к объекту на рассвете, когда никто не мешает. Это профессиональная привычка.

Она спустилась с лесов.

— Что вам нужно, Дмитрий?

— Для начала — извиниться. За вчерашнее. Я не должен был врать про прораба.

— А зачем вы врали?

— Потому что у меня было задание. — Он сделал паузу. — Узнать, кто вы и зачем пришли в «Наследие».

Марьяна замерла. Вот так просто. Он только что признался в слежке. В шпионаже. В том, что она была под подозрением.

— И что вы узнали?

— Что вы — дочь Андрея Ларина. Что ваш отец погиб на объекте Куракиных в 1998 году. Что вы считаете, будто в «Наследии» виноваты в его смерти. И что вы здесь, чтобы найти доказательства.

Она молчала. В висках стучало.

— И что теперь? — спросила она наконец. — Вы меня уволите? Передадите охране? Вызовете полицию?

— Нет. — Он шагнул ближе. — Я помогу вам.

— Что?

— Я помогу вам найти правду. О вашем отце. О том, что случилось на Куракиных. О том, кто скрыл улики и почему.

— Почему? — она смотрела на него с недоверием. — Почему вы хотите помочь мне? Вы — правая рука Воронцова. Вы работаете на «Наследие».

— Потому что, — он снова шагнул ближе, и теперь они стояли почти вплотную, — я тоже хочу знать правду. И потому что я не верю, что Виктор Андреевич Воронцов — человек, которого я уважаю больше всех в этой семье, — мог быть причастен к убийству.

— Это был несчастный случай. Так сказали.

— Я читал рапорт. И я читал дневник вашего отца. Глеб дал мне доступ.

Она вздрогнула.

— У вас есть дневник отца?

— Копия. Глеб сделал её, когда вы только пришли в «Наследие». Он хотел понять, кто вы. И он понял. — Дмитрий помолчал. — Вы не враг, Марьяна. Вы — дочь человека, который, возможно, стал жертвой преступления. И если это так — мы найдём виновных. Вместе.

Она смотрела на него и пыталась понять: это искренность или новая игра? Его глаза были серьёзными. Без насмешки. Без притворства.

— Почему я должна вам верить?

— Потому что я здесь. Сейчас. С вами. А не в кабинете у Глеба, где я должен быть по плану. Потому что я пошёл против инструкций. Потому что...

Он запнулся.

— Потому что что?

— Потому что вы мне нравитесь, — сказал он просто. — И я не хочу, чтобы вы страдали.

Она не ответила. Просто стояла и смотрела на него — долго, очень долго. А потом вдруг сказала:

— Хорошо. Но если вы мне соврёте ещё раз — я исчезну. И вы меня не найдёте.

— Договорились.

— Тогда начнём. Что вы знаете о восточном флигеле Куракиных?

— О том, где ваш отец нашёл старую кладку?

— Да.

— Почти ничего. Но я знаю, кто может знать.

— Кто?

— Елена Павловна. Домоправительница Воронцовых. Она работает в этом доме тридцать два года. И она помнит всех, кто работал на Куракиных в девяносто восьмом.

Марьяна кивнула.

— Тогда идёмте.

— Прямо сейчас?

— А чего ждать?

Дмитрий улыбнулся. Эта женщина была не просто опасной. Она была великолепной.

— Идёмте, — сказал он. — Только сначала позавтракаем. Вы, кажется, не ели со вчерашнего вечера.

— Откуда вы...

— Я же говорю: я наблюдателен.

Она чуть заметно улыбнулась — уголками глаз.

— Вы невыносимы.

— Знаю. Но я хороший союзник.

— Посмотрим.

И они вышли из усадьбы в морозное декабрьское утро — два человека, которые ещё вчера были по разные стороны баррикад, а сегодня заключили временное перемирие. И, возможно, что-то большее.

Глава 3. Елена Павловна

Особняк Воронцовых, кухня

Тот же день, 9:30

Елена Павловна месила тесто для пирожков, когда в кухню вошли двое. Дмитрия она знала давно — этот обаятельный нахал появлялся в особняке чаще, чем некоторые члены семьи, и всегда умудрялся стащить с плиты что-нибудь горячее. А вот девушку, что стояла за его спиной, она видела впервые. Хотя что-то в её лице показалось смутно знакомым.

— Елена Павловна, — Дмитрий галантно поклонился, — позвольте представить: Марьяна, художник-реставратор. Мара, это Елена Павловна — сердце, душа и желудок этого дома.

— Ох, Дмитрий, вечно ты с комплиментами, — она вытерла руки о фартук. — А по делу?

— По делу, — он сразу стал серьёзным. — Мы хотели бы поговорить о том, что случилось на объекте Куракиных в девяносто восьмом. О реставраторе по фамилии Ларин.

Елена Павловна замерла. Её рука, тянувшаяся к скалке, остановилась на полпути.

— Андрей Ларин, — произнесла она тихо. — Хороший был человек. Очень хороший.

— Вы знали его? — Марьяна шагнула вперёд. Голос её дрогнул, но она справилась.

— Знала. Он часто заходил сюда — Виктор Андреевич приглашал его на ужины. Они подолгу разговаривали в библиотеке. О фресках, о реставрации, о старых мастерах. — Она внимательно посмотрела на Марьяну. — Подождите. Вы — его дочь?

— Да. Марьяна Ларина.

— Я так и подумала. Глаза — отцовские.

Елена Павловна опустила на табурет.

— Я помню тот день, — сказала она. — Шестое ноября. Виктор Андреевич вернулся с объекта сам не свой. Белый как полотно. Сказал: «Ларин погиб». И закрылся в кабинете. Три дня не выходил. Даже кофе не пил — а он без кофе не мог.

— Он знал, что случилось? — спросил Дмитрий. — Что на самом деле?

— Думаю, догадывался. Но доказательств не было. Леса действительно рухнули — это был факт. А вот почему они рухнули... — Она покачала головой. — Андрей был осторожным человеком. Он никогда бы не полез на неисправные леса. Он говорил мне за неделю до смерти: «Что-то на этом объекте нечисто. Кому-то не нравится, что я интересуюсь старыми подвалами».

Марьяна подалась вперёд.

— Он говорил о восточном флигеле? О старой кладке?

— Да. Он нашёл там что-то. Какой-то проём. Хотел показать Виктору Андреевичу, но не успел.

Дмитрий переглянулся с Марьяной.

— Елена Павловна, — медленно спросил он, — вы помните, кто тогда был начальником участка на Куракиных?

— Помню, — она поджала губы. — Фамилия — Звягинцев. Олег Звягинцев. Он уволился через неделю после гибели Андрея. Говорили — по собственному желанию. Но я думаю, что его попросили.

— Кто?

— Этого я не знаю. Но Виктор Андреевич после его увольнения долго ругался с кем-то по телефону. Я слышала обрывки: «Ты покрываешь преступника», «Я этого так не оставлю», «Если ты думаешь, что я забуду...» А потом трубку бросил и сказал: «Вот и всё. Нет больше друга».

— Друг? — переспросила Марьяна. — С кем он говорил?

— Не знаю. Но через месяц после этого Вадим Громов предал его и увёл контракт. Я всегда думала, что эти два события связаны.

В кухне повисла тишина. Дмитрий пытался сопоставить факты. Звягинцев. Громов. Ларин. Все они пересеклись в одной точке — восточный флигель особняка Куракиных. И всем, кто знал о находке, грозила опасность.

— Где сейчас этот Звягинцев? — спросил он.

— Не знаю. Говорили, что он уехал из Москвы. Но я слышала, что его видели в Подмосковье пару лет назад. Кажется, он работает сторожем на каком-то складе.

— Вы не помните, где именно?

— Нет. Но могу спросить у знакомых. У меня ещё остались связи среди старых кадров.

Марьяна взяла её за руку.

— Спасибо, Елена Павловна. Вы даже не представляете, как это важно для меня.

— Представляю, девочка, — она погладила её по руке. — Я мать. Я знаю, что значит потерять близкого. И я знаю, что значит ждать правды. — Она посмотрела на Дмитрия. — Ты уж помоги ей. Она хорошая.

— Я помогу, — сказал он. — Обещаю.

— Ну, раз обещаешь — тогда держи. — Она достала из ящика стола старую записную книжку. — Здесь телефоны. Кое-кто из тех, кто работал на Куракиных, ещё жив. Может, кто-то что-то вспомнит.

Марьяна взяла книжку. Пальцы у неё дрожали.

— Я верну её.

— Не надо. Она мне больше не нужна. Я своё отслужила. А вам пригодится.

Кофейня на Чистых прудах
Час спустя

Они сидели за угловым столиком — Марьяна пила чай с мятой, Дмитрий — свой неизменный капучино. За окнами шёл снег, и город казался притихшим, укутанным в белое.

— Звягинцев, — сказала Марьяна, перелистывая записную книжку. — Здесь есть его адрес. Вернее, старый адрес — Мытищи, улица Трудовая. Это было записано в девяносто девятом.

— С тех пор он мог переехать.

— Мог. Но мы можем проверить.

— Мы? — он поднял бровь. — Вы хотите поехать в Мытищи?

— Я хочу найти человека, который, возможно, видел, как погиб мой отец. Да, я хочу поехать в Мытищи.

— Тогда я с вами.

— Не нужно.

— Нужно, — он наклонился вперёд. — Послушайте, Марьяна. Я понимаю, что вы привыкли справляться одна. Что вы никому не доверяете. Что весь ваш опыт говорит: люди предадут. Но я — не «люди». Я — Дмитрий Князев. И я обещал Елене Павловне помочь вам. Я не нарушаю обещаний.

— Почему вам так важно помочь мне?

Он помолчал. Ответ вертелся на языке — несколько вариантов, от лёгкой шутки до серьёзного признания. Но он выбрал правду — потому что с ней, кажется, иначе было нельзя.

— Потому что вы мне нравитесь, — сказал он. — Я уже говорил. И я не шутил.

— Вы меня не знаете.

— Знаю. Я прочитал дневник вашего отца. Я видел, как вы смотрите на фрески. Как вы говорите с Еленой Павловной. Как вы держите чашку — осторожно, будто боитесь разбить. Я знаю, что вы носите отцовскую фотографию в кармане — я заметил край снимка, когда вы доставали платок. Я знаю, что вы не спите по ночам — у вас тени под глазами. Я знаю достаточно, чтобы понимать: вы — необычный человек. И я хочу быть рядом. Даже если вы этого не хотите.

Она молчала. Смотрела на него — долго, внимательно, как на фреску, которую нужно изучить, прежде чем приступить к реставрации.

— Вы странный, — сказала она наконец.

— Знаю.

— Вы врётё людям о своей профессии, чтобы подобраться поближе.

— Это было один раз.

— Вы работаете на семью, которая, возможно, причастна к смерти моего отца.

— Возможно. Но я хочу узнать правду. И если окажется, что кто-то из «Наследия» виноват — я помогу вам добиться справедливости.

— Даже если это будет стоить вам работы?

— Даже если это будет стоить мне всего.

Она отпила чай. Поставила чашку. И сказала:

— Хорошо. Поехали в Мытищи.

— Когда?

— Завтра. Утром. Я заеду за вами.

— Заедете за мной? — он усмехнулся. — Вы даже не знаете, где я живу.

— Узнаю. Вы же за мной следили — теперь моя очередь.

Он рассмеялся — открыто, искренне.

— Вы невыносимы, Марьяна Ларина.

— Знаю. Но вы всё равно хотите мне помочь.

— Да. Хочу.

Она чуть улыбнулась — уголками глаз, как тогда, в усадьбе. И Дмитрий понял, что готов ехать с ней куда угодно. В Мытищи. На край света. В прошлое, которое, возможно, окажется страшнее любого будущего.

Подмосковье, Мытищи, улица Трудовая
Следующее утро

Улица Трудовая оказалась длинной и унылой — ряд панельных пятиэтажек, перемежающихся частными домами, которым было лет по пятьдесят. Снег здесь не убирали, и машина Дмитрия с трудом пробиралась по заснеженной колее.

— Это здесь, — сказала Марьяна, сверяясь с адресом. — Дом четырнадцать.

Дом четырнадцать был частным — старый, деревянный, с покосившимся крыльцом и заколоченным окном. Калитка висела на одной петле. Но тропинка от калитки к дому была расчищена, и из трубы шёл дым.

— Здесь кто-то живёт, — констатировал Дмитрий.

— Идём.

Они постучали. Дверь открылась не сразу — сначала за ней послышались шаркающие шаги, потом долгий кашель, потом скрип замка. На пороге стоял старик — сгорбленный, седой, в застиранной клетчатой рубашке и старых трениках. Но глаза у него были живые — цепкие, настороженные.

— Чего надо? — голос был хриплым, прокуренным.

— Олег Звягинцев? — спросил Дмитрий.

— Допустим. А вы кто?

— Меня зовут Дмитрий Князев. А это — Марьяна Ларина. Мы хотим поговорить о том, что случилось на объекте Куракиных в девяносто восьмом. О гибели Андрея Ларина.

Лицо старика дрогнуло. Он отступил на шаг.

— Я ничего не знаю.

— Вы были начальником участка, — мягко сказала Марьяна. — Вы видели, как рухнули леса. Вы подписывали рапорт.

— Я ничего не знаю, — повторил он, но на этот раз голос дрогнул.

— Пожалуйста, — Марьяна шагнула вперёд. — Андрей Ларин был моим отцом. Я ищу правду. Двадцать лет. Пожалуйста.

Старик смотрел на неё. Потом на Дмитрия. Потом тяжело вздохнул и отступил вглубь дома.

— Заходите. Только ноги вытрите.

Внутри было темно и тесно. Пахло табаком, старой мебелью и одиночеством. Звягинцев сел в продавленное кресло и дрожащей рукой закурил. Марьяна и Дмитрий остались стоять — стульев в доме не нашлось.

— Я знал, что когда-нибудь кто-то придёт, — сказал он, глядя в стену. — Двадцать лет ждал. Думал — пронесёт. Не пронесло.

— Что случилось в тот день? — спросила Марьяна.

— Леса рухнули. Это правда. — Он затаился. — Но не сами.

— А как?

— Их подпилили. Я видел — когда разбирали завалы. На опорах были следы пилы. Не старые — свежие. Кто-то подпилит опоры так, чтобы они рухнули при определённой нагрузке.

— Почему вы не сказали об этом?

— Потому что испугался! — он почти крикнул. — Ко мне пришли. Двое. На следующий день после похорон. Сказали: «Если откроешь рот — твоя семья пострадает». У меня жена, дочь... Я не мог рисковать.

— Кто это был? — спросил Дмитрий. — Вы знаете?

— Одного знаю. Он был из службы безопасности «Наследия». Фамилия — Завьялов.

Дмитрий замер. Завьялов. Тот самый Завьялов, который потом перешёл к Грозовым, убил Сергея Воронцова и сел в тюрьму. Тот самый, который был правой рукой Вадима Громова.

— Завьялов работал на «Наследие»? — уточнил он.

— Да. До девяносто восьмого. Потом ушёл к Грозову. Но в тот момент он ещё был у Воронцова.

— Кто его нанял? Кто приказал подпилить леса?

— Этого я не знаю. Но Завьялов выполнял приказы. Сам он никогда не принимал решений.

— Кто мог ему приказать? — Марьяна подалась вперёд. — Пожалуйста, вспомните. Любое имя. Любая зацепка.

Звягинцев затушил сигарету и долго молчал.

— Был один человек, — сказал он наконец. — Тогдашний партнёр Виктора Андреевича. Они вместе начинали. Но ходили слухи, что он хочет забрать проект себе. Что ему не нравится, как Воронцов ведёт дела. Что он ищет способ надавить.

— Вадим Громов, — прошептал Дмитрий.

— Да. Громов. Он приезжал на объект за несколько дней до гибели Ларина. Я видел его. Он разговаривал с Завьяловым. О чём — не знаю. Но после этого разговора Завьялов ходил довольный.

— Вы думаете, это Громов приказал?

— Я ничего не думаю. Я просто рассказываю, что видел.

Марьяна отвернулась к окну. Её плечи дрожали.

— Мой отец погиб из-за чужой войны, — сказала она глухо. — Из-за того, что кто-то хотел надавить на Воронцова.

— Похоже на то, — сказал Звягинцев. — Простите меня. Я должен был сказать тогда. Но я струсил.

Марьяна повернулась к нему.

— Вы можете дать показания? Сейчас. Официально. Завьялов в тюрьме. Но если вы подтвердите, что он подпилит леса, — ему добавят срок. И мы узнаем, кто приказал.

Звягинцев колебался.

— Я старый человек, — сказал он. — Мне семьдесят два. У меня больное сердце. Я не хочу умирать в тюрьме.

— За дачу ложных показаний тогда — вас не посадят. Прошло двадцать лет. Срок давности вышел.

— А за соучастие?

— Вы не соучаствовали. Вы боялись. Это разные вещи.

Старик долго смотрел на неё. Потом тяжело вздохнул.

— Хорошо. Я дам показания. Ради вашего отца. Он был хорошим человеком. Я должен был защитить его тогда. Не смог. Может, теперь смогу.

Марьяна закрыла глаза. По щекам её текли слёзы — она даже не пыталась их вытирать.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо.

Машина, трасса Мытищи — Москва

Вечер

Они ехали обратно в Москву. За окнами темнело, снег усилился. Дмитрий вёл машину молча, давая Марьяне время прийти в себя.

— Завьялов, — сказала она наконец. — Тот самый, что убил Сергея Воронцова.

— Да. Он работал на Громова. Но до этого — на Воронцова. Похоже, он был инструментом. Кто платил — тому и служил.

— Значит, мой отец погиб из-за того, что Громов хотел надавить на Воронцова.

— Похоже на то. Ларин нашёл что-то важное. Громов испугался, что правда выйдет наружу. И приказал убрать свидетеля.

— А Воронцов? Виктор Андреевич? Он знал?

— Думаю, догадывался. Но доказательств не было. А когда они появились — было уже поздно. Громов предал его и увёл проект.

Марьяна смотрела на огни встречных машин.

— Я двадцать лет ненавидела «Наследие», — сказала она. — Думала, что это они убили отца. А оказалось — Громов. Тот, кого здесь считают врагом. Но Вера и Матвей... они же теперь вместе. Они простили друг друга.

— Да. Это было непросто. Но они справились.

— А я? Смогу ли я простить?

— Не знаю. Но вы можете хотя бы попытаться. Ради себя. Ради памяти отца.

Она повернулась к нему.

— Спасибо вам.

— За что?

— За то, что поехали со мной. За то, что нашли Звягинцева. За то, что верите мне.

— Я же говорил: вы мне нравитесь.

— Это ничего не меняет. Но всё равно — спасибо.

Он улыбнулся краешком губ.

— Не за что. Я просто делаю свою работу.

— Это не работа.

— А что?

— Не знаю. — Она чуть улыбнулась в ответ. — Но точно не работа.

Машина катила по вечерней Москве, за окнами мелькали огни. И два человека, которые ещё вчера были чужими, а сегодня стали союзниками, ехали в одном направлении — не только по трассе, но и по жизни.

Глава 4. Архив

Особняк Воронцовых, цокольный этаж
Следующее утро, 8:00

Дмитрий спустился в архив на рассвете. После вчерашней поездки в Мытищи он почти не спал — показания Звягинцева перевернули всё, что он знал о деле Ларина. Завьялов, подпиленные опоры, возможный заказ Громова... Это была уже не теория. Это были факты. Но для того чтобы предъявить их — фактов было мало. Нужны были документы.

Архив встретил его привычным запахом старой бумаги и пыли. Зелёная лампа над столом горела — кто-то из семьи снова забыл её выключить. Дмитрий включил верхний свет и подошёл к стеллажам.

Он знал этот архив как свои пять пальцев. Годы работы с Глебом научили его ориентироваться в лабиринте папок, ящиков и коробок. Проекты, сметы, личные дела, переписка — всё было разложено по годам и объектам. Но сегодня ему нужен был особый раздел — тот, что касался службы безопасности.

Папка с пометкой «СБ. Личные дела. 1996–1999» нашлась в дальнем углу, за коробками с бухгалтерией. Дмитрий вытащил её и начал перебирать.

Горелов. Левченко. Завьялов.

Вот оно. Личное дело Виктора Сергеевича Завьялова.

Он открыл папку. Анкета — стандартная, заполненная от руки. Фотография: молодой мужчина с тяжёлым взглядом, короткая стрижка. Принят на работу в «Наследие» в марте 1996 года. Должность: «специалист по безопасности». Уволен в ноябре 1998-го.

Ноябрь 1998-го. Через несколько дней после гибели Ларина.

Дмитрий пролистал дальше. В папке были рапорты о дежурствах, графики обходов, отчёты. Ничего особенного — рутинная бумажная работа. Но в самом конце, подколотый скрепкой, лежал листок, написанный от руки. Почерк — не Завьялова. Мелкий, убористый, женский.

«Прошу обратить внимание: сотрудник Завьялов был замечен в контактах с представителями конкурирующей организации. 3 ноября 1998 г. он встречался с неизвестным на территории объекта "Куракинские". О чём они говорили — не знаю. Но Завьялов после этого был крайне взволнован. Сообщаю на всякий случай».

Подписи не было. Только дата: 4 ноября 1998 года.

За два дня до гибели Ларина. И за день до того, как Ларин собирался идти к Воронцову.

Дмитрий перечитал записку. Кто её написал? Кто-то из сотрудников, кто видел Завьялова с «неизвестным» на территории объекта. Возможно, тот самый неизвестный и был Громовым. Или его посредником.

Он достал телефон и сфотографировал документы. Потом набрал номер.

— Марьяна? Это Дмитрий. Я в архиве. Кажется, я нашёл кое-что важное.

— Я сейчас приеду.

Час спустя

Марьяна появилась в архиве запыхавшаяся — видимо, бежала от метро. На ней был старый пуховик и вязаная шапка, сбившаяся набок. Дмитрий отметил, что даже в таком виде — без косметики, с замёрзшими щеками и растрёпанными волосами — она была красивой. Той особенной, неброской красотой, которая проявляется не сразу, а постепенно, как фреска из-под слоя штукатурки.

— Что вы нашли? — спросила она, даже не поздоровавшись. В её глазах горел тот самый огонь, который Дмитрий уже научился узнавать — охотничий азарт, смешанный с тревогой.

— Вот. — Он протянул ей папку. — Личное дело Завьялова. И записка от неизвестного сотрудника.

Марьяна прочитала. Потом перечитала. Опустилась на стул.

— Третье ноября, — сказала она. — Мой отец сделал последнюю запись в дневнике пятого ноября. Он писал: «Мне угрожали». А через день — погиб.

— Завьялов встречался с кем-то на объекте третьего. Возможно, это был Громов.

— Или кто-то, кто передал приказ от Громова.

— Да. И Завьялов выполнил приказ.

Марьяна провела пальцем по строчкам записки.

— Кто написал это? — спросила она. — Вы знаете почерк?

— Нет. Но я знаю, кто может знать. — Дмитрий взял телефон и сфотографировал записку крупным планом. — Елена Павловна работала здесь с девяносто пятого. Она помнит всех. Если этот сотрудник работал в «Наследии» — она узнает почерк.

— Тогда идёмте.

— Подождите. — Он задержал её за руку. — Вы завтракали?

— Что?

— Завтрак. Еда. Утро. Вы, кажется, забыли о существовании этого понятия.

— Я не голодна.

— А я голоден. И я не могу расследовать дела на пустой желудок. Это профессиональное.

Она хотела возразить, но вдруг поняла, что он улыбается — той самой обезоруживающей улыбкой, от которой у неё внутри что-то странно теплело. И вместо возражения сказала:

— Ладно. Десять минут. И только кофе.

— И круассан.

— И круассан, — сдалась она.

Кухня особняка

Елена Павловна, как всегда, была на своём посту. Увидев Дмитрия с Марьяной, она понимающе кивнула и без лишних слов поставила на стол тарелки с горячими сырниками и сметаной. Дмитрий мысленно поблагодарил всех богов — домашних, архитектурных и кулинарных.

— Вы что-то нашли? — спросила домоправительница, заметив папку в руках Дмитрия.

— Нашли. — Он показал ей записку. — Елена Павловна, вы не знаете, кто мог это написать?

Она надела очки и долго всматривалась в строчки.

— Почерк знакомый, — сказала она наконец. — Очень знакомый. Но не могу вспомнить... — Она задумалась. — Подождите. Секретарша. У Виктора Андреевича была секретарша. Нина Павловна. Мы с ней тёзки, только по отчеству разные. Она работала здесь с девяносто пятого по двухтысячный.

— Вы можете с ней связаться?

— Могу попробовать. Она на пенсии, живёт где-то в Подольске. Мы перезваниваемся иногда — по праздникам.

— Позвоните ей, — попросила Марьяна. — Пожалуйста.

— Прямо сейчас?

— Если можно.

Елена Павловна кивнула и достала из ящика с телефонными книгами старый, потрёпанный ежедневник. Набрала номер. Долго слушала гудки.

— Алло? Нина? Это Лена. Да, Лена с Пречистенки. Слушай, у меня к тебе странный вопрос. Ты помнишь Завьялова? Из службы безопасности?

Пауза. Слышно было, как на том конце провода что-то говорят.

— А записку ты про него писала? Начальству? — Елена Павловна кивнула, слушая. — Так. Понятно. Спасибо, Нина. Я тебе перезвоню.

Она положила трубку.

— Это она. Нина Павловна написала ту записку. Она видела, как Завьялов встречался с каким-то мужчиной на объекте Куракиных третьего ноября. Мужчина был ей незнаком — высокий, в дорогом пальто, с тростью. Она запомнила трость — с серебряным набалдашником в виде льва.

— Громов, — сказал Дмитрий. — У Вадима Громова была такая трость. Я видел её на старой фотографии — Матвей показывал, когда мы разбирали архивы.

— Значит, Громов лично встречался с Завьяловым за три дня до гибели моего отца, — медленно произнесла Марьяна. — И отдал приказ.

— Скорее всего.

— У нас есть доказательства?

— У нас есть показания Звягинцева. Записка Нины Павловны. Дневник вашего отца. Это косвенные улики, но в совокупности они складываются в картину.

— Что мы можем сделать?

Дмитрий задумался.

— Завьялов в тюрьме. Мы можем передать эти материалы его следователю. Если Завьялов признается в соучастии в убийстве Ларина — ему добавят срок. Но он может и не признаться.

— А если не признается?

— Тогда будем искать другие доказательства. Я попрошу Резника — это наш следователь, он вёл дело Сергея Воронцова — поднять архивы за девяносто восьмой год. Может быть, там есть что-то, что мы пропустили.

— Я хочу присутствовать при этом, — сказала Марьяна. — При допросе Завьялова. Если он согласится говорить.

— Это будет непросто. Вы — не родственник подозреваемого, не адвокат, не следователь.

— Но я — дочь жертвы. Я имею право знать.

Дмитрий посмотрел на неё. Она стояла, сжав кулаки, и в её тёмных глазах горела решимость. Он уже видел такую решимость — у Веры, когда она боролась за усадьбу Боткиных.

У Глеба, когда он искал правду об отце. У Алисы, когда она восстанавливала оранжерею. Эта женщина была под стать им. Может быть, даже сильнее.

— Хорошо, — сказал он. — Я поговорю с Глебом. Попрошу его подключить адвокатов. Если Завьялов согласится на встречу — вы пойдёте со мной.

— Спасибо.

— Не благодарите. Это меньшее, что я могу сделать.

Елена Павловна, молча слушавшая разговор, вдруг сказала:

— Андрей был хорошим человеком. Если бы он знал, что его дочь вырастет такой... — она покачала головой. — Он бы гордился.

Марьяна отвернулась, чтобы скрыть слёзы. Дмитрий сделал вид, что не заметил.

Кабинет Глеба, восточное крыло
Полдень

Глеб выслушал Дмитрия, не перебивая. Потом долго смотрел на записку Нины Павловны, на копию дневника Ларина, на схему, которую Дмитрий набросал на листе бумаги: даты, имена, связи.

— Завьялов, — сказал он наконец. — Снова он.

— Он был инструментом. Громов использовал его, чтобы убрать Ларина.

— А потом использовал, чтобы убрать моего отца.

— Похоже на почерк. Подпиленные леса на стройке. Подстроенная авария на трассе. Разные методы — один результат.

Глеб встал и подошёл к окну.

— Когда я начинал расследование гибели отца, я думал, что правда принесёт облегчение. Так и случилось — но не сразу. Сначала была боль. Много боли. — Он повернулся к Дмитрию. — Ты понимаешь, что Марьяне придётся через это пройти?

— Понимаю. Но она хочет правды. Она имеет на неё право.

— Да. Имеет. — Глеб вернулся к столу. — Я позвоню Резнику. Попрошу организовать встречу с Завьяловым. Это будет непросто — он не обязан давать показания по новому делу, у него есть право отказаться. Но я думаю, он согласится.

— Почему?

— Потому что он уже осуждён пожизненно. Ему нечего терять. А покаяние — даже частичное — может облегчить его участь. Плюс — он знает, что мы нашли Звягинцева. Если Звягинцев даст показания, Завьялову грозит ещё один срок. Лучше признаться добровольно.

— Ты разбираешься в этом.

— Я два года жил в судах, Дмитрий. Поневоле научишься.

Дмитрий кивнул.

— Ещё кое-что. Я хочу, чтобы Марьяна поехала со мной. На встречу с Завьяловым.

Глеб поднял бровь.

— Ты уверен?

— Да. Она ждала этого двадцать лет. Она заслужила.

— Это может быть тяжело.

— Она справится.

Глеб помолчал. Потом сказал:

— Ты изменился.

— Что?

— Раньше ты не стал бы так рисковать. Не стал бы ввязываться в чужую историю. Не стал бы брать на себя ответственность за человека, которого знаешь меньше месяца.

— Ты хочешь сказать, что я стал мягче?

— Я хочу сказать, что ты стал человеком, — Глеб чуть улыбнулся. — Это комплимент, если что.

Дмитрий не нашёлся что ответить.

— Ладно, — сказал он наконец. — Я пойду. Нужно подготовить Марьяну.

— Подготовь. И будьте осторожны. Завьялов — опасный человек, даже в тюрьме.

— Знаю. Но я буду рядом.

— Я не сомневаюсь.

Дмитрий вышел из кабинета. В коридоре его ждала Марьяна — она сидела на подоконнике, глядя в окно. Увидев его, спрыгнула.

— Ну что?

— Глеб согласился. Он позвонит Резнику. Если Завьялов согласится на встречу — мы поедем.

— Когда?

— Может быть, завтра. Может быть, через неделю. Это зависит от тюремной администрации.

— Я подожду, — сказала она. — Я ждала двадцать лет. Подожду ещё.

— Марьяна...

— Что?

— Я... — он замялся. — Я хочу, чтобы вы знали: что бы ни случилось на этой встрече, что бы ни сказал Завьялов, — я буду рядом. Если вам понадобится поддержка. Или просто кто-то, кто помолчит вместе с вами.

Она посмотрела на него. Долго. Внимательно. Так, как смотрела на фрески — будто пытаюсь разглядеть скрытые слои.

— Почему вы это делаете? — спросила она. — На этот раз честно.

— Я же говорил: вы мне нравитесь.

— Этого недостаточно. Люди не рискуют карьерой, временем, нервами — только потому, что кто-то им нравится.

— А я рискну, — сказал он. — Потому что... — Он замолчал, подбирая слова. — Потому что я узнал вас. Не просто как дочь погибшего реставратора. Не как угрозу для «Наследия». А как человека. Вы — талантливы. Вы — смелы. Вы — упрямы до безумия. Вы забываете завтракать. Вы смотрите на фрески так, будто разговариваете с ними. Вы носите в кармане фотографию отца и не снимаете шарф, даже когда жарко — наверное, потому что это чей-то подарок. Я замечаю детали, Марьяна. Это моя работа. И я заметил вас. Всю. Целиком.

Она молчала. Потом сказала:

— Шарф — от мамы. Она умерла три года назад.

— Простите. Я не хотел...

— Всё в порядке. — Она чуть улыбнулась. — Вы действительно наблюдательны. Это пугает. И... подкупает.

— Это значит «да»?

— Это значит, что я не против вашей компании. На встрече с Завьяловым. И, возможно, после неё.

— После неё? — он улыбнулся. — Это звучит многообещающе.

— Не обольщайтесь. Я всё ещё не доверяю вам до конца.

— Я знаю. Но это прогресс.

Она покачала головой, но в глазах её мелькнуло что-то похожее на смех.

— Вы невыносимы, Князев.

— Слышал это много раз. От разных людей. Но от вас — впервые.

— Привыкайте.

— Уже.

Глава 5. Завьялов

Исправительная колония строгого режима №4, Мордовия
Декабрь, раннее утро

Автобус трясло на ухабах, и Дмитрий в очередной раз пожалел, что не настоял на машине. Но Резник сказал: «В колонию лучше на служебном транспорте. Меньше вопросов». Пришлось подчиниться. Теперь он сидел на жёстком сиденье, прижатый плечом к холодному окну, и смотрел, как за стеклом проплывает бескрайняя заснеженная равнина.

Марьяна сидела рядом. Она почти не разговаривала с тех пор, как они выехали из Москвы, — только смотрела в окно, и её отражение в стекле казалось бледным и отстранённым. Дмитрий не мешал. Он знал, что сейчас происходит у неё внутри: двадцать лет ожидания сжимались в одну точку, в одну встречу, в одного человека, который, возможно, отнял у неё отца.

— Скоро приедем, — сказал Резник, обернувшись с переднего сиденья. — Ещё раз: на встрече присутствуют заключённый, адвокат, я и вы двое. Говорить будете вы, — он кивнул Марьяне. — Я вмешиваюсь, только если ситуация выходит из-под контроля. Завьялов знает, зачем мы едем. Он согласился на встречу добровольно. Это хороший знак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.